

Глава 8

На моей матери не было ничего, кроме платья, в котором она пришла домой ранее той ночью. Облегающий аккордеон ткани лежал под ее грудями, как и наверху, но теперь он поднимался все выше с каждым толчком, угрожая обнажить груди, которые я на самом деле не видел с тех пор, как сосал ее грудное молоко.

Мама тяжело дышала сквозь стиснутые зубы, нетерпеливо подталкиваясь ко мне, заставляя мой твердый член проникать глубоко в ее жадную, красивую задницу.

Я немедленно ослабил хватку, убирая руку от бура, но чувствуя, что мой член продолжает дергаться сам по себе, как будто протестуя против внезапного прекращения игры и пытаюсь кончить самостоятельно.

Затем я сразу же принял сидячее положение, испытывая покалывание во всем теле от вожделения и ужаса в равной степени из-за того, что чуть не произошло.

Мой член прижался к моему животу, и я почувствовал знакомый прилив тепла глубоко у основания моего члена, где он исчезал внутри моего тела. Ощущение попыталось превратиться в семяизвержение, но я протянул руку вперед и полностью переключил регулятор температуры в холодное положение, и моя кожа быстро покрылась мурашками от шокирующе экстремальной регулировки.

- Что за херня на самом деле происходит? - возмущенно пробормотал я, когда мои зубы начали стучать.

Я пристально смотрел на свой член, запрещая ему кончать.

Через несколько секунд я увидел, что кончик начал размягчаться под холодным наказанием, которому я его подвергал.

Ощущение неминуемого оргазма ослабло в моем тазу, и я огляделся по сторонам, наполовину ожидая увидеть кого-то, кто осуждающе стоит по другую сторону стеклянной двери душа, скрестив руки на груди и с выражением отвращения на лице.

Я потянулся вперед и повернул ручку душа в выключенное положение, затем приподнялся и взял полотенце с того места, где я повесил его на вешалку.

Стуча зубами, я сначала поднес полотенце к лицу, плотно прижимая его к губам, чтобы заглушить вопль разочарования.

Когда я вышел из ванной, я шел, сгорбившись, как старик, не ожидая никого увидеть, но пытаюсь спрятать свой все еще почти твердый член на всякий случай.

Я все еще был далек от вялости, когда надел свежие трусы и приготовился ко сну, но мой член немедленно попытался прорваться сквозь ткань.

Я волновался, что не смогу заснуть из-за непреодолимого зуда, который пытался игнорировать, но в конце концов мне это удалось, хотя и под эмоциональный белый шум ненависти к себе.

Как только моя лобная доля была официально отключена на день и я погрузился в глубокий сон, моим нижним функциям мозга был предоставлен неконтролируемый доступ к дневному каталогу краткосрочных воспоминаний, а видеозапись обнаженной задницы и гениталий моей

матери была представлена моему гиппокампу для красочного, мечтательного редактирования.

Определенно, в сценарии, который мой спящий мозг составил для эпизода "Сон той ночью", было периферийное, почти неземное осознание непослушания, но поскольку рациональные, гораздо более ортодоксальные области моего разума отключены для обслуживания, это осознание стало бензином, подлитым в и без того бушующий ад безудержной похоти.

Я не помню, чтобы во сне у меня действительно был половой акт с моей матерью, но я отчетливо помню, как она оседлала мое лицо, когда я обхватил руками ее бедра и притянул к себе.

Больше всего выделялась живость поцелуев и дегустация каждого уголка ее нижней части, когда я обводил языком каждый идеальный изгиб и щель, пока она двигалась, чтобы показать мне, куда она хочет, чтобы ее поцеловали в следующий раз.

Миссис Сноу тоже была там, и она трахнула меня во сне, оседлав мой бушующий стояк в стиле наездницы, как принцесса на родео, лицом к маме и чередуя поцелуи с сосанием ее груди.

Пока миссис Сноу сосала и трахалась, она продолжала повторять одну и ту же фразу, но я в основном слышал только гласные из-за сисек и второго языка, часто занимавших ее рот.

Она пыталась сказать: "Кончи в меня, Грег. Пожалуйста, кончи в меня!"

Мама тоже была очень красноречивой, и в какой-то момент, вероятно, прямо перед тем, как я выпустил безумное количество пропитывающего постель эякулята, я помню, как она убеждала меня выплеснуть свой заряд как можно сильнее, чтобы убедиться, что мы подарили миссис Сноу ребенка, которого мы ей задолжали.

Не спрашивайте меня, почему мы должны ей ребенка. В сюжете, который составил мой неконтролируемый мозг, не было контекста для попытки оплодотворения; это было просто то, что я должен был сделать.

У меня снова встал, когда я вспоминал фрагменты, которые всплывали на поверхность, когда я просыпался и понял, что я насквозь мокрый ниже груди, но потребовалась минута, чтобы осознать, что у меня был влажный сон.

Я играл со своим членом и заставил его кончить еще до того, как узнал, что это мой половой орган. В первый раз, когда у меня защекотало в заднице и из дырочки члена потекла жидкость, я подумал, что мое упорство в возне с писающим шлангом волшебным образом раскрыло уникальный трюк; трюк, который я практиковал несколько раз в день после того, как обнаружил это.

Итак, даже при том, что мне иногда снился секс, я оставался сухим в те типично неловкие годы ночных поллюций, потому что во сне никогда не было ничего, извергающего семязвержение.

Сон той ночи, безусловно, пришелся по душе животному внутри меня, и да, некоторые из тех ощущений вины, ужасного человека, которые я испытал прошлой ночью, определенно вернулись, когда я нес пропитанное спермой постельное белье в стирку после длительных, липких усилий оттереть от своего тела липкие и частично высохшие трусы.

Я позволил себе немного расслабиться ради мечты, поскольку ничего из этого не планировал. Я думаю, ты можешь делать это с мечтами. Однако это не значит, что последствий не будет,

как может подтвердить любой, кто мечтал трахнуть кого-то, кого они никогда бы не трахнули в реальной жизни.

Я был в состоянии повышенной готовности, когда нес липкий комок к машинке, проверяя все углы, прежде чем продолжить, все время чувствуя, что наполняю дом запахом биологического отбеливателя, который может быть только спермой.

Начав стирку, я схватил флакон дезодоранта и начал распылять, но при этом мне пришло в голову, что я кончил на весь подвал и ни разу не подумал замаскировать остаточный запах. Именно греховная, запретная природа того, что облегчило этот конкретный груз, заставила меня почувствовать, что мне нужно замести следы.

Даже с учетом того, что я дал себе слабинку ради мечты-инцеста, я был немного встревожен и чувствовал себя немного ужасным человеком, пока занимался своими делами, пытаюсь забыть, когда я вошел в свой компьютер и начал проверять обычные сайты на предмет списков сломанной электроники, которую, как я знал, я мог бы починить и продать.

События предыдущего вечера тяжелым грузом давили на мои мысли все утро, и я находил какую-то передышку от своей нечистой совести только в те моменты, когда я был больше всего сосредоточен на деликатном ремонте, который требовал твердой руки.

Я понятия не имел, как я когда-нибудь снова смогу смотреть маме в глаза. Я даже пропустил свою обычную первую чашку кофе, но потом стал очень раздражительным и в конце концов у меня разболелась голова; что часто случается, когда я пропускаю кофеин.

Я проверил камеру в коридоре и увидел, что дверь в спальню моей матери закрыта, поэтому я побежал наверх, чтобы налить себе чашечку кофе, и тут же пожалел, что не потрудился проверить и камеру на кухне...

<http://erolate.com/book/3089/72337>